

Хашхожева Загират Талибовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы Социально-гуманитарного института, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, город Нальчик. ORCID: 0000-0003-2022-3589, SPIN-код: 7632-7915, AuthorID: 979756

Электронный адрес: zagirat_inkaz@mail.ru

Zagirat T. Khashkhozheva

Ph.D. of Philological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of the Kabardino-Circassian language and literature of the Social and Humanitarian Institute, Kabardino- Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik. ORCID: 0000-0003-2022-3589, SPIN-code: 7632-7915, AuthorID: 979756

E-mail address: zagirat_inkaz@mail.ru

Хутежев Заудин Галиевич

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы Социально-гуманитарного института, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, город Нальчик. ORCID: 0000-0001-5975-1085, SPIN-код: 6437-7418, AuthorID: 1005263

Электронный адрес: zaudin-777@mail.ru

Zaudin G. Khutezhev

Ph.D. of Philological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of the Kabardino-Circassian language and literature of the Social and Humanitarian Institute, Kabardino- Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik. ORCID: 0000-0001-5975-1085, SPIN-code: 6437-7418, AuthorID: 1005263

E-mail address: zaudin-777@mail.ru

Акай Оксана Михайловна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков в сфере экономики и права факультета иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0003-2773-5384, SPIN-код: 4926-8520, AuthorID: 802155

Электронный адрес: o.akay@spbu.ru

Oksana M. Akay

Doctor of Philological Sciences, Docent, Professor at the Department of foreign languages in the field of economics and law, the faculty of foreign languages, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. ORCID: 0000-0003-2773-5384, SPIN-code: 4926-8520, AuthorID: 802155

E-mail address: o.akay@spbu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ЦИФРОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СООБЩЕСТВАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВ)

Аннотация. В статье рассматриваются специфические коммуникативные нормы, регулирующие речевое поведение в различных типах русскоязычных цифровых сообществ. На материале дискурса профессиональных Telegram-чатов и фандомных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» проводится сопоставительный анализ ключевых параметров: степени формальности, использования профессионального/фан-жаргона, стратегий самопрезентации и механизмов санкций за нарушение норм. Делается вывод о существовании континуума от утилитарно-инструментальных норм в профессиональных сообществах до эмоционально-ритуальных в фандомных, что отражает разные модели лингвокультурной адаптации пользователей.

Ключевые слова: цифровой дискурс, коммуникативные нормы, лингвокультурная адаптация, интернет-сообщества, профессиональная коммуникация, фандомный дискурс, компьютерно-опосредованная коммуникация.

Для цитирования: Хашхожева З.Т., Хутежев З.Г., Акай О.М. Лингвокультурная адаптация и стратегии самопрезентации в цифровых дискурсивных сообществах (на материале русскоязычных онлайн-пространств) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2026. № 1. С. 104–111. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.01.P.104

Лингвокультурная адаптация и стратегии самопрезентации в цифровых дискурсивных сообществах (на материале русскоязычных онлайн-пространств)

LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION AND SELF-PRESENTATION STRATEGIES IN DIGITAL DISCURSIVE COMMUNITIES (A STUDY OF RUSSIAN-LANGUAGE ONLINE SPACES)

Abstract. The article examines specific communicative norms regulating speech behavior in various types of Russian-language digital communities. A comparative analysis of the key parameters is conducted based on the discourse of professional Telegram chats and fandom communities on the social network “VKontakte.” These parameters include: the degree of formality, the use of professional/fan jargon, self-presentation strategies, and mechanisms for sanctioning norm violations. The study concludes that a continuum exists from utilitarian-instrumental norms in professional communities to emotional-ritual norms in fandom communities, reflecting different models of users’ linguistic and cultural adaptation.

Keywords: digital discourse, communicative norms, linguistic and cultural adaptation, online communities, professional communication, fandom discourse, computer-mediated communication.

For citation: Khashkhodzheva Z.T., Khutezhev Z.G., Akay O.M. (2026) Linguistic and cultural adaptation and self-presentation strategies in digital discursive communities (A study of Russian-language online spaces). *Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World.* No. 1. Pp. 104–111. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.01.P.104 (In Russian).

Введение

Современное цифровое пространство представляет собой совокупность множества дискурсивных сообществ, каждое из которых формирует собственные, часто неявные, правила речевого поведения [1, с. 133]. Эта фрагментация является ключевой характеристикой компьютерно-опосредованной коммуникации, однако типология и специфика коммуникативных норм, действующих в различных типах русскоязычных онлайн-сообществ, остаются недостаточно изученными. Между тем именно эти нормы регулируют процессы лингвокультурной адаптации новых пользователей и определяют успешность их самопрезентации в группе [2, с. 59]. В связи с этим актуальным представляется целенаправленное сопоставительное исследование, которое позволило бы выявить и систематизировать базовые принципы организации дискурса в сообществах с разными социокультурными функциями.

Целью настоящего исследования является выявление и сопоставление ключевых коммуникативных норм в двух контраст-

ных типах русскоязычных цифровых сообществ: профессиональном и фандомном. Для достижения поставленной цели решается ряд взаимосвязанных задач:

1) определяется теоретическая основа для анализа цифровых коммуникативных норм, интегрирующая концепцию дискурсивных сообществ, теорию компьютерно-опосредованной коммуникации и лингво-прагматический подход;

2) формируется и описывается эмпирический материал – целостные коммуникативные эпизоды, отражающие динамику взаимодействия внутри сообществ;

3) проводится сравнительный анализ по заданным параметрам, таким как уровень формальности, стратегии самопрезентации и механизмы поддержания норм. Наконец, выявленные различия интерпретируются через призму специфических социокультурных функций, которые выполняют исследуемые сообщества [3].

Объектом исследования выступают русскоязычные дискурсивные онлайн-сообщества, предметом – коммуникативные нормы, регулирующие взаимодействие

в профессиональных и фандомных сообществах.

Научная новизна работы заключается в проведении целенаправленного сопоставительного анализа на конкретном русскоязычном материале, что позволяет перейти от общих описаний сетевого общения к построению эмпирически обоснованной типологии норм в зависимости от прагматики сообщества.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-сопоставительный анализ и дискурс-анализ, дополненные элементами корпусной лингвистики для обработки данных. *Материалом* послужили публично доступные коммуникативные эпизоды, отобранные за шестимесячный период наблюдения. Профессиональное сообщество представлено открытым Telegram-чатом IT-специалистов (@Программисты. Чат с общей аудиторией 23 781), ориентированным на решение рабочих задач и обмен опытом. Фандомное сообщество репрезентировано публичной группой в социальной сети «ВКонтакте», посвященной обсуждению популярной киносериальной франшизы и сфокусированной на эмоциональной вовлеченности и фанатском творчестве (Игра Престолов | Дом Дракона с общей аудиторией 97,8 тыс. подписчиков [<https://vk.com/gameofthrones>]). При работе с данными соблюдаются строгие этические принципы: все имена пользователей и уникальные идентификаторы полностью анонимизируются, анализ опирается исключительно на текстовое содержание публичных сообщений.

Результаты исследования: сравнительный анализ коммуникативных норм

Параметр 1: Уровень формальности и толерантность к отклонениям от норм литературного языка

Сопоставительный анализ эмпирического материала выявил фундаментальные различия в коммуникативных нормах между профессиональным IT-сообществом и фандомной группой. Эти различия наиболее рельефно проявляются в отношении к языковой норме и допустимой степени вариативности при лингвокультурной адаптации как «приспособлении текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному его восприятию» [4, с. 70].

В профессиональном Telegram-чате наблюдается избирательная толерантность: язык общения характеризуется высокой степенью насыщенности специальной лексикой, англицизмами и аббревиатурами, формирующими узнаваемый профессионалект (например, «*деплоить билд в прод*», «*зарефакторить легаси-код*», «*баг в API*»). При этом коммуникативная норма строго требует ясности, однозначности и фактологической точности высказывания. Опечатки или незначительные орфографические ошибки, как правило, игнорируются, если они не препятствуют пониманию сути технической проблемы. Однако грубые нарушения логики изложения, ведущие к неоднозначной интерпретации задачи, становятся предметом критики и немедленных уточняющих вопросов, как это было в эпизоде обсуждения архитектуры микросервисов, где участник указал коллеге: «*Ты не указал, синхронное или асинхронное взаимодействие между сервисами предполагается – это критично для дизайна*». Таким образом, нормативность здесь носит прагматический, инструментальный характер, подчиненный эффективному решению задач.

Напротив, в фандомном сообществе действуют принципиально иные нормы, поощряющие широкую вариативность и сознательную креативную игру с языком. Эмоциональная экспрессия и достижение коммуникативного эффекта здесь имеют безусловный приоритет над строгой язы-

Лингвокультурная адаптация и стратегии самопрезентации в цифровых дискурсивных сообществах (на материале русскоязычных онлайн-пространств)

ковой правильностью. Участники активно используют гиперболу, разговорные и просторечные формы, а также элементы намеренного «искажения» нормы для создания юмора, иронии или погружения в тематическую атмосферу. Ярким примером служит устойчивая практика стилизации высказываний под «олбанский йезыг» для комического эффекта, как в комментарии к фан-арту: *«Такое овно, даже актеры не смотрят...»* Эмоциональная оценка часто выражается через нарочитое нарушение норм сочетаемости или грамматики: *«Я упустила, а Крысы – это норм или не норм?!»*; *«Этот кадр просто уничтожил меня в ноль, я не могу, это слишком прекрасно!»* В дискуссиях о сюжете распространены фонетически окрашенные написания, передающие интонацию: *«Ну не-е-ет, только не это!»*; *«Ура! Стыд!»*, а также активное использование сленговых неологизмов и заимствований из языка оригинала произведения (например, *«Король Роберт – чистый манипулятор и газлайтер»*). Здесь язык становится не только средством передачи информации, но и инструментом совместного творчества и эмоционального созвучия, где «правильность» уступает место выразительности и разделяемому групповому настроению.

Параметр 2: Стратегии самопрезентации и инициации коммуникации

Стратегии самопрезентации и инициации коммуникации в исследуемых сообществах формируются их базовой прагматикой и демонстрируют полярные подходы к установлению статуса и авторитета.

В профессиональном IT-сообществе социальный капитал и репутация приобретаются исключительно через публичную демонстрацию компетентности и экспертизы. Ключевой стратегией здесь является предоставление точных, полезных и технически выверенных ответов на вопросы

коллег. Участник укрепляет свой авторитет не путем прямых заявлений, а через решение конкретных проблем, как, например, в эпизоде, где пользователь не просто посоветовал определенную библиотеку для обработки данных, но привел сравнительный бенчмарк ее производительности против аналогов и ссылку на официальную документацию. Цитирование авторитетных внешних источников (официальная документация, статьи на Хабр, репозитории GitHub) является обязательной нормой для подтверждения своей позиции: *«Как указано в RFC 791, проблема может быть в фрагментации пакетов, проверь MTU»*. Даже в ситуациях несогласия фокус смещается на объективные аргументы: *«С твоим подходом есть риск race condition, лучше посмотри на паттерн “мьютекс”, вот статья»*. Инициация новой дискуссионной ветки почти всегда происходит через четко сформулированный проблемный вопрос, содержащий технические детали: *«Коллеги, столкнулся с утечкой памяти в Go при использовании каналов воркеров, прикладываю профиль pprof. Кто-то разбирался?»* Таким образом, самопрезентация здесь имманентна процессу решения задачи и строится на демонстрации инструментально полезного знания.

В фандомном сообществе механизмы самопрезентации и инициации общения принципиально иные и ориентированы на эмоционально-символический обмен. Авторитет и признание устанавливаются через глубину эмоциональной вовлеченности, демонстрацию преданности канону и, что особенно значимо, через креативный вклад в культуру сообщества. Высокий статус имеют не только те, кто обладает энциклопедическим знанием сюжета, но и те, кто создает на его основе новый контент: фанарты, фанфики, видео-эдит, тематические мемы. Самопрезентация часто выражается

в публичных восторженных оценках, которые служат сигналом принадлежности к «своим»: «Я пересматриваю эту сцену в десятый раз, и у меня до сих пор мурашки! Это гениально!» Инициация успешной дискуссии редко бывает вопросом; вместо этого она запускается через публикацию фанарта с подписью-интерпретацией («Как я вижу его внутренний конфликт в этом эпизоде») или провокационную гипотезу, расширяющую канон («Очень красивый вариант гетерохромии у актёра!»). Особую роль играет создание и использование внутренних мемов – визуальных или текстовых шаблонов, отсылающих к общим для сообщества шуткам или ситуациям. Употребление такого мема, как, например, изображение персонажа с подписью «Когда пытаешься объяснить новичку всю хронологию вселенной», моментально создает атмосферу доверительного общения и разделяемого понимания. Следовательно, здесь самопрезентация является перформативным актом, направленным на усиление коллективного эмоционального переживания и пополнение общего символического поля сообщества.

Параметр 3: Механизмы установления и поддержания норм (модерация, санкции)

Третий анализируемый параметр – механизмы установления, транслирования и защиты коммуникативных норм – выявляет контраст между формализованным административным контролем и неформальным социальным регулированием.

В профессиональном IT-сообществе действует модель явной и централизованной модерации, направленной на поддержание целевой эффективности дискурса. Правила взаимодействия четко формализованы и доступны в виде закрепленного сообщения, которое предписывает, например, «сохранять тематику (только backend-разработка)»,

«избегать флейма и оффтопа» и «перед тем как задать вопрос, воспользоваться поиском по чату». Санкции за нарушение этих правил применяются оперативно и носят административный характер. Так, сообщения, не относящиеся к профессиональной тематике (обсуждение политики или компьютерных игр), удаляются модератором, а их авторам публично напоминают о правилах. В случае повторных нарушений или открытого конфликта следует строгое наказание в виде временного ограничения на отправку сообщений или полного исключения пользователя из чата. Решения модераторов, как правило, не обсуждаются, что подчеркивает институционализированный характер власти. Например, после удаления пространного лирического отступления о сложностях удаленной работы модератор лаконично прокомментировал: «Это не тема для обсуждения здесь. Вопросы по архитектуре – welcome». Таким образом, нормы поддерживаются сверху вниз, а их легитимность обеспечивается коллективным согласием с приоритетом деловой эффективности [5].

В фандомном сообществе механизмы регулирования носят принципиально иной, децентрализованный и имплицитный характер. Четкий свод правил часто отсутствует; вместо этого нормы усваиваются новичками опосредованно, через наблюдение за принятыми образцами взаимодействия и реакцией сообщества на те или иные высказывания. Ключевую роль в поддержании порядка играют не формальные администраторы, а признанные лидеры мнений – активные старожилы, авторы популярного фанарта или глубокие знатоки канона [6, с. 32]. Именно они, как правило, задают тон и первыми реагируют на нарушения неписаных правил. Санкции здесь почти исключительно социальные и направлены на публичное маркирование отклоняющегося поведения. Например, участник, который

Лингвокультурная адаптация и стратегии самопрезентации в цифровых дискурсивных сообществах (на материале русскоязычных онлайн-пространств)

грубо раскритиковал фанарт, не предложив конструктивной альтернативы, может столкнуться с волной неодобрения в виде насмешливых реакций (использования эмодзи «»»), игнорирования его последующих комментариев или прямых публичных замечаний от авторитетных членов группы: «Если не нравится – рисуй лучше сам, а не поливай других». Наиболее суровой санкцией становится коллективное молчание (игнор) или осуждение в отдельной дискуссионной ветке, где действие нарушителя обсуждается как пример дурного тона. Так, гипотеза, грубо противоречащая установленному канону и высказанная в категоричной форме («Все, кто думает иначе, просто ничего не поняли»), была подвергнута не удалению, а детальному публичному разбору и высмеиванию через создание серии мемов, наглядно демонстрирующих ее несостоятельность. Таким образом, система норм здесь поддерживается горизонтально, через постоянное социальное взаимодействие, где коллектив выступает и судьей, и исполнителем наказания, что укрепляет групповую солидарность и общие представления о допустимом.

Обсуждение результатов

Сопоставительный анализ позволяет интерпретировать выявленные различия как прямое следствие противоположных социокультурных функций исследуемых сообществ.

Нормы профессионального IT-чата демонстрируют утилитарно-инструментальный характер, что полностью подчинено его прагматической цели – обеспечить максимально эффективный и точный обмен специализированной информацией. Все ключевые параметры – от избирательной толерантности к профессионалекту до формализованной модерации – работают на

минимизацию коммуникативных издержек и максимизацию результативности взаимодействия.

Напротив, коммуникативные нормы фандомного сообщества носят эмоционально-ритуальный и интегративный характер. Их основная цель заключается не в решении внешних задач, а во внутреннем сплочении группы через создание общего символического пространства, поддержание коллективной идентичности и воспроизводство разделяемых эмоциональных состояний. Конкретные формы, такие как игра с нормой или социальные санкции, служат ритуалами, подтверждающими принадлежность к «своим».

Данная дихотомия напрямую определяет принципиально разные модели лингвокультурной адаптации, требуемые от нового участника. Для успешной интеграции в профессиональное сообщество неопит должен в первую очередь освоить специальный профессионалект и усвоить строгие принципы фактологического дискурса, где ценность высказывания измеряется его объективной полезностью. Адаптация в фандомном пространстве требует иных компетенций: необходимо декодировать и освоить эмоциональный код группы, глубоко погрузиться в систему внутренних референций (канон, мемы, история сообщества) и овладеть креативно-игровыми практиками языка, направленными не на передачу информации, а на соучастие в коллективном переживании.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что выявленная дихотомия «инструментальное vs. интегративное сообщество» способствует переходу от общих описаний сетевой коммуникации к построению более детальной и эмпирически обоснованной типологии цифровых дискурсивных сообществ. Предлагаемый подход позволяет выйти за рамки повер-

ностного и часто недостаточного противопоставления «формальное / неформальное общение», вскрывая более глубокие, функционально обусловленные основания для классификации, которые определяют базовые правила социального взаимодействия в различных сегментах цифровой среды [7].

Заключение

Проведенное исследование эмпирически подтверждает, что базовый тип цифрового сообщества, определяемый его прагматической или гедонистической доминантой, напрямую детерминирует системный характер его коммуникативных норм. Этот вывод находит последовательное отражение в контрасте всех анализируемых параметров: от отношения к языковой норме и стратегий самопрезентации до механизмов санкционирования. Таким образом, идентичность онлайн-сообщества конституируется прежде всего не тематикой, а глубинной логикой

взаимодействия, которая формирует соответствующую ей форму общения.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных данных для решения прикладных задач: выводы могут быть использованы при разработке образовательных модулей по цифровой и профессиональной коммуникации, а также для создания более эффективных и адекватных моделей модерации, учитывающих функциональный тип онлайн-пространства.

Перспективным направлением дальнейших изысканий видится расширение типологической выборки за счет включения сообществ с иными доминантами, таких как геймерские гильдии или политические паблики. Кроме того, продуктивным представляется анализ диахронической динамики внутренних норм и изучение феномена коммуникативной интерференции, возникающей при переходе пользователей между сообществами с противоречащими правилами взаимодействия.

Литература

1. Морозова А.А. Юзермейкер социальной сети: специфика коммуникативного поведения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. No. 3 (29). С. 133–138. EDN YNMJOP.
2. Бутакова Л.О., Вязигина С.Ю. Языковые особенности современной виртуальной самопрезентации в социальных сетях (на примере продающих страниц) // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 2. С. 45–56. DOI: 10.69571/PBSSPU.2024.20.4.005 EDN POTMSY.
3. Горбушина Е.А. Особенности самопрезентации в социальных сетях с учетом половых различий // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 90. DOI: 10.54359/ps.v16i90.1434. EDN RKLYKP.
4. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. № 1. С. 69–74. EDN SMTUVJ.
5. Дайнеко П.М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Москва, 2011. 209 с. EDN QFIXCP.
6. Мамина Р.И., Якупова С.В. Самопрезентационная коммуникация в контексте цифровых реалий современного социума // Дискурс. 2024. Т. 10. № 4. С. 27–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-27-42. EDN LHUBVU.
7. Мубаракзянова А.З. Репрезентация в СМИ проблемы безопасности данных в популярных мессенджерах и в мессенжере Max // Медиаграмотность – 2025 : Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 25 октября 2025 г. / Науч. ред. А.Н. Гильманова. Казань : Бриг, 2025. С. 211–217. ISBN 978-5-98946-421-0. EDN VBTQJR.

References

1. Morozova A.A. (2018) Social Network Usermaker: Specifics of Communicative Behavior. *Sign: Problematic field of media education*. No. 3 (29). Pp. 133–138. (In Russian).
2. Butakova L.O., Vyazigina S.Yu. (2023) Language features of modern virtual self-presentation in social networks (On the example of VKontakte selling pages). *Slovo. Tekst. Kontekst* [Word. Text. Context]. No. 2. Pp. 45–56. DOI: 10.69571/PBSSPU.2024.20.4.005 (In Russian).
3. Gorbushina E.A. (2024) Features of self-presentation in social networks, taking into account gender differences. *Psychological Studies*. Vol. 16. No. 90. DOI: 10.54359/ps.v16i90.1434 (In Russian).
4. Fenenko N.A. (2001) Linguocultural adaptation of the text during translation: The limits of the possible and acceptable. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. No. 1. Pp. 69–74. (In Russian).
5. Daineko P.M. (2011) *Diskursivnye strategii samoprezentatsii v institutsional'nom internet-obshchenii* [Discursive strategies of self-presentation in institutional Internet communication] : PhD Thesis (Philology) : 10.02.19. Moscow. 209 p. (In Russian).
6. Mamina R.I., Yakupova S.V. (2024) Self-presentation communication in the context of the digital realities of modern society. *Discourse*. Vol. 10. No. 4. Pp. 27–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-27-42. (In Russian).
7. Mubarakzyanova A.Z. (2025) Media representation of the data security issue in popular messengers and in the messenger Max. In: Gilmanova A.N. (Ed) *Mediagramotnost' – 2025* [Media Literacy – 2025] : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Kazan, October 25, 2025. Kazan : Brig Publ. Pp. 211–217. ISBN 978-5-98946-421-0. (In Russian).

Поступила в редакцию: 12.01.2026

Received: 12.01.2026

Поступила после рецензирования: 05.02.2026

Revised: 05.02.2026

Принята к публикации: 13.02.2026

Accepted: 13.02.2026

Ардашев Роман Георгиевич

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, город Иркутск; профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, город Иркутск. ORCID: 0000-0002-2286-8711, SPIN-код: 2853-7260, AuthorID: 868414
Электронный адрес: ardashevrg@yandex.ru

Roman G. Ardashev

Doctor of Philosophical Sciences, Ph.D. of Legal Sciences, Head of the Department of philosophy, social sciences and humanities, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk; Professor at the Department of public and municipal administration of the Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk. ORCID: 0000-0002-2286-8711, SPIN-code: 2853-7260, AuthorID: 868414
E-mail address: ardashevrg@yandex.ru

СМЕРТЬ В ЦЕННОСТНОЙ ПАЛИТРЕ СОВРЕМЕННОКОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ понимания смерти в философии и психологии, оцениваются перспективы развития ценностного восприятия смерти нашими современниками. Проводится социально психологический анализ отношения к смерти 200 человек – 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, с использованием опросников «Отношение к смерти», «Шкалы психологического благополучия» и «Диагностика экзистенциальных мотиваций». Основным методологическим подходом выступает гуманистическая и экзистенциальная психология. Выявляются три группы оценки смерти: оптимистичное, пессимистичное и противоречивое восприятия, имеются отличия в гендерном и возрастном понимании смерти. Особо выделяется роль ложной информационной пропаганды, осуществляемой через СМИ и сеть Интернет, фильмы и компьютерные игры, где происходит смещение тематики смерти от зоны молчания и табуирования к игризации и фальсификации. Это становится новым смыслом экзистенциального переосмысления смерти среди современников.

Ключевые слова: экзистенциальная психология, смерть, психология смерти, ценности, современники, смысла жизни, смысла смерти.

Для цитирования: Ардашев Р.Г. Смерть в ценностной палитре современников: социально-психологический анализ // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2026. № 1. С. 112–121. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.01.P.112

DEATH IN THE VALUE PALETTE OF CONTEMPORARIES: A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. This article provides a theoretical analysis of the understanding of death in philosophy and psychology, assesses the prospects for the development of the value perception of death among our contemporaries. A socio-psychological analysis of 200 people's attitudes toward death, among them 55 % women and 45 % men, aged 18 to 65, has been conducted using questionnaires on "attitudes toward death," "psychological well-being scales," and "existential motivations diagnostics." The primary

methodological approach is humanistic and existential psychology. Three groups of death assessments are identified: optimistic, pessimistic, and contradictory perceptions. Differences in gender and age-related understandings of death are also highlighted. The role of false information propaganda, carried out through the media and the internet, films, and computer games, is particularly highlighted, where the topic of death is shifting from silence and taboo to playfulization and falsification. This becomes a new meaning for the existential rethinking of death among contemporaries.

Keywords: existential psychology, death, psychology of death, values, contemporaries, meaning of life, meaning of death.

For citation: Ardashev R.G. (2026) Death in the Value Palette of Contemporaries: A Socio-Psychological Analysis. *Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 1. Pp. 112–121. DOI: 10.18137/RNU.V925X.26.01.P.112 (In Russian).

*Экзистенциальные смыслы жизни и смерти:
теоретический анализ*

Неизведанным и притягивающим внимание человека за все время существования человечества была смерть. Проблема смерти изучается философами и культурологами, биологами и медиками, археологами и литераторами, психологами и даже физиками. Этот интерес не иссякает, а даже приобретает все новые грани и формы реализации [1].

Выдающиеся мыслители прошлого и настоящего ставили вопросы о конечности жизни и в связи с этим – о смысле жизни и смысле смерти (Аристотель, Платон, Ф. Ницше, К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Адлер, З. Фрейд, К. Юнг, В. Франкл, И. Ялом и многие другие). Отечественные психологи чаще работали с феноменом смерти в аспекте проживания феномена горя и суицидологии (К.А. Чистопольская).

Смерть – это то, с чем сталкивается каждый человек в разное время, в разных условиях, но избежать этого события невозможно [2]. Не важно, какое здоровье, социальный или материальный статус или какие-то другие условия, – смерть коснется всех без исключения людей.

Как человек видит смерть, как относится к смерти, раскрывая свой экзистенциальный потенциал, – на таком уровне находится уровень зрелости личности и общества

(Ф. Арьес [3], П. Вонг [4], В. Франкл [5], И. Ялом [6] и др.). Критерием психологической зрелости и здоровья является принятие смерти.

В современном обществе смерть является табуированной темой – отрицается или уходит в «зону молчания», или обесценивается ее философско-психологический, терапевтический эффект, когда человек встает перед выбором качества жизни, пока есть такая возможность. Смерть, как игра, возможность перерождения в компьютерных играх, фильмах и книгах фантазийного жанра – все это порождает ложные представления и не позволяет по-настоящему осознать ценность жизни и важность смерти как социальный, культурный и личностный аспект саморазвития [7]. Именно осознание смерти является важным стимулом к жизни, рождает ответственность и придает завершенность [8].

При этом на тему смерти не принято разговаривать, зачастую используются эвфемизмы: «уснул вечным сном», «отправился за грань», «отправился в мир иной», «покинул нас» и проч. В.Ю. Баскаков указывает на то, что смерть исключается из жизни современников, но «убрать» ее невозможно, так как это естественный процесс жизни человека, поэтому она возвращается в виде симулякров массовой культуры [9]. В фильмах, видеоиграх, литературе смерть предстает перед нами в гипертрофирован-

ном виде. У большинства современников есть привычка (сформированная через визуальную культуру современности) видеть смерть других, со стороны, и не соотносить это с самим собой (фильм – это же вымысел, книга – продукт фантазии автора, компьютерная игра – это все понарошку) [10]. То есть присутствует персональное отчуждение смерти, иллюзия «далекой смерти».

Страх смерти необходим, так как он формирует ценности собственной жизни и жизни других. Отрицание смерти приводит к тому, что страх смерти вытесняется в зону подсознательного. Как выявила М.Э. Елютина, не все люди боятся смерти [11]. С. Мохов говорит не о табуированности темы смерти, а об ее идеологизации (формировании под определенным фокусом внимания) и эмоциональной насыщенности [12]. В любом случае, феномен смерти определяет ценностную палитру современников. Смерть связана со смысловыми ориентациями и уровнем удовлетворенности жизнью (чем выше уровень страха смерти, тем ниже уровень осмысленности жизни) [13].

Собственная смерть пугает не потому, что заканчивается жизнь, а потому, что она может быть мучительна и принесет страдание близким. «Умереть быстро и без страданий», «умереть во сне» – это своего рода «модель хорошей смерти». Среди молодых людей также имеется страх боли и мучений: «боюсь процесса умирания, но не смерти» – это отмечает в своей работе И.Н. Лаврикова [14].

Подготовку к смерти наши современники чаще воспринимают с материальной стороны, и в разы реже – с экзистенциальной или духовной [15]. И в целом разговор о смерти не вызывает энтузиазма. Но мысли о смерти чаще посещают людей в возрасте, имеющих серьезные (чаще неизлечимые) заболевания и в целом плохое самочувствие.

Эти разговоры не связаны с полом, местом жительства, социальным и экономическим статусом [16].

Во всех культурах религия выполняла терапевтическую функцию в отношении страха смерти. Религия формировала картину мира, что со смертью жизнь не заканчивается и загробные представления о жизни могут быть многогранны, но все они помогают принять факт смерти.

Новые осмысления смерти произошли во многих странах после пандемии COVID-19, когда граждане столкнулись со смертью лицом к лицу, без войны и каких-то других бедствий. Это стало толчком к осмыслению смерти как повседневного явления, которое всегда рядом [17–19].

В современной литературе нет термина «страх смерти», но есть явление страха смерти (мысли о смерти, тревога о смерти и проч.). Люди переживают страх смерти по-разному, так же, как и философы и психологи, которые, пытаясь осмыслить данное явление, предлагают использовать такие синонимы, как «тревога смерти», «ужас смерти», «страх конца» (И. Ялом), «ужас небытия» (С. Кьеркегор), «невозможность дальнейшей возможности» (М. Хайдеггер), «онтологическая тревога» (П. Тиллих). Это позволяет нам говорить о страхе смерти как многогранном понятии, которое проявляется через тревогу или страх, связанные с фактом смерти, которые могут опираться на когнитивные, эмоциональные или поведенческие компоненты, варьироваться от социокультурных условий и возраста человека или сообщества.

В современной гуманистической и экзистенциальной психологии основными выступают две концепции, которые раскрывают феномен страха смерти, – это теория управления страхом (Дж. Гринберг, Ш. Соломон) и теория принятия смерти через управление смыслом (П. Вонг).

Смерть в ценностной палитре современников:
социально-психологический анализ

Первая исходит из того, что культура и общество в целом развиваются благодаря наличию страха смерти. Неизбежная конечность жизни запускает отдаленную и ближайшую тактику защиты. Выбор тактики зависит от осознания и понимания неизбежности смерти или отсутствия этих смыслов в жизни человека [20]. При столкновении со смертью активизируется проксимальная защита, которая включает подавление или отрицание угрозы самому человеку. Оказавшись в подсознании, активизируется дистальная защита (через самоуважение и соблюдение общечеловеческих норм). Отношение к смерти может быть выражено как через страх смерти, так и через ценность смысла жизни, а также через восприятие ее как естественного процесса для всех живых.

Вторая опирается на идею смысла как способа защиты от сложностей жизни и смерти. Именно смысл может привести к более осознанной и продуктивной жизни. Оба подхода объединяет факт осознанности конечности собственной жизни, который знаменует момент развития личности.

Экзистенциальные смыслы понимания жизни и смерти изучались В. Франклом и А. Лэнгле. В их понимании то, как человек живет, и его представления о том, как ему хотелось бы жить, формируют качество жизни. То же касается и смерти – как он умирает является итогом того, как он жил. Нацеленность повседневной жизни определяет конечные смыслы для современников [21]. В этом ключе вопрос психологического благополучия становится продуктом качества жизни и смерти, поскольку психологическое благополучие выступает показателем открытости внешнему миру и особенностями самореализации.

*Психологический анализ отношения
к смерти современников*

Методология и методика исследования

В своем исследовании мы попытались изучить психологическое восприятие смерти у современников, которые не находятся перед выбором жизни и смерти, не видят смерть каждый день. Эти данные позволят выявить факторы, способствующие проживанию жизни на более качественном уровне.

В связи с этим мы сформировали гипотезу исследования: чем выше уровень психологического благополучия человека, тем меньше выражен страх смерти.

Методологической основой исследования выступили:

- экзистенциально-гуманистическое направление в психологии, а именно исследования отношения к смерти (И. Ялом, В. Волкан, Э. Кюблер-Росс, А. Лоуэн, В. Баскаков);
- экзистенциально-аналитический подход (А. Лэнгле);
- исследования психологического благополучия (В. Франкл, А. Маслоу, Р. Мэй).

Методами исследования стали:

- 1) опросник «Отношение к смерти» (И.Ю. Кулагина и Л.В. Сенкевич);
- 2) опросник «Отношение к смерти» (К.А. Чистопольская);
- 3) «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной);
- 4) тест «Диагностика экзистенциальных мотиваций» (В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осинев, Я.Д. Лупандина).

Данные обрабатывались в программе SPSS. В исследовании приняли участие 200 человек – 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследования было выяснено, что 24 % участников исследования обладают пессимистичным взглядом на смерть, оценивая это как негативное и отрицательное явление, они его не желают признавать ни как часть своей жизни, ни как естественный итог жизни в целом. Интересным моментом выступает то, что 36 % оценивают смерть условно оптимистично (в контексте гуманистической и экзистенциальной психологии). Если при жизни имеются значимые смыслы и значения, то и смерть воспринимается как естественный процесс. И достаточно большое количество опрошенных (40 %) воспринимают смерть противоречиво или не имея четкого представления об этом явлении, или заменяя ее на выдуманные образы из фильмов, компьютерных игр и книг.

При этом женщины на 15 % более оптимистично оценивают смерть, чем мужчины. Среди пессимистичных преобладают оценки мужчин – их на 10 % больше, чем оценок женщин. Среди группы противоречивых оценок примерно равное количество мужчин и женщин.

Наиболее оптимистичны в оценках смерти люди в возрасте 45–65 лет (выше на 10 %, чем в группе 30–44 года, и на 25 %, чем в группе 18–29 лет). Среди тех, кто противоречиво относится к смерти, преобладают молодые люди в возрасте 18–29 лет (64 %), в остальных возрастах распределены поровну (по 18 %). Среди тех, кто пессимистично относится к смерти, преобладают представители молодого (18–29 лет) – 42 % – и среднего (30–44 года) – 38 % – возраста; представителей старшего возраста (45–65 лет) из них 20 %.

Опираясь на методику К.А. Чистопольской, мы выявили, что принятие приближения к смерти присутствует у половины представителей старшей возрастной группы (51 %), у трети представителей средней возрастной группы (30–44 года) – 32 % и у

17 % представителей младшей возрастной группы (18–29 лет).

Стараются избежать тему смерти 52 % младшей возрастной группы, 35 % – средней и 13 % – старшей. Это происходит из-за страха смерти, из-за неизвестности, что дальше (28 %), тревожности в отношении близких после смерти (32 %) и сожаления о том, что не все успели сделать при жизни (40 %).

Уровень психологического благополучия напрямую связан с отношением к смерти. Чем он выше, тем оптимистичнее восприятие смерти у респондентов любого возраста, чем ниже, тем, соответственно, более негативное восприятие или же ярко выраженное противоречивое (близкое к обесцениванию).

Мы можем выделить несколько «тревог» представителей старшего поколения, которые касаются ценностной палитры современников:

- тревоги, связанные с оценкой собственной жизни (сожаления о чем-либо, желание что-либо поменять, изменить в жизни других, если что-то поменять прямо сейчас);
- тревоги «стоимости смерти» (желание облегчить траты родственникам на похороны и желание «отложить денег» себе на смерть);
- тревоги, связанные с тем, что останется после собственного ухода из жизни (в людской памяти, в наследстве и проч.);
- тревожность в получении ритуальных услуг;
- тревожность в отношении «места смерти» (своя кровать предпочтительнее больничной койки);
- тревожность в отношении оценки того, что уходят старые друзья и родственники, а ты все это видишь со стороны.

Для молодых людей важны другие «тревоги», связанные со смертью (позволяющие нам фиксировать иные ценностные установки молодежи):

Смерть в ценностной палитре современников:
социально-психологический анализ

- экзистенциальное принятие свободы (смерть – это благо, так как избавляет от тревог; за смертью есть жизнь (после смерти будет лучше, за смертью начинается свобода); вера в загробную жизнь делает молодого человека более психологически устойчивым (вне зависимости от религиозных трактовок));
- страшно умирать, потому что тебя забудут (страх забвения);
- страшно умирать, потому что еще не все успел, не все реализовал, что хотел;
- тревога за родителей и других родственников (нежелание причинять им боль своей смертью).

Выделенные противоположные ценностные тревоги и страхи молодого и старшего поколений фиксируют различные экзистенциальные фокусы внимания. Представители среднего поколения обладают тревогами, свойственными и старшей, и младшей возрастным группам, поэтому могут рассматриваться нами как средние показатели.

Универсальными тревогами наших современников, связанными со смертью, являются:

- 1) страх того, что будет после смерти;
- 2) страх умирания (умирание как «событие»);
- 3) страх прекращения бытия.

Нами была установлена 41 корреляция между принятием смерти и психологическим благополучием, где связующим звеном становились ценности и смыслы, определяющие контекст жизни, а смерть как естественный этап развития жизни. Тут важно указать на наличие смысложизненных ориентиров, связанных с другими (родственники, граждане страны), патриотических ориентиров или религиозных ценностей, которые являются определяющими в формировании смыслов жизни и смерти (*Ради чего жить и умирать? «Ради Родины», «ради народа», «ради семьи» и проч.*).

Также выявлена четкая взаимосвязь в виде 35 корреляций оценки смерти как бегства от жизни, часто из-за неудовлетворённости собственной жизнью, неверия в то, что можно что-то изменить. Представители этой группы в три раза чаще, чем представители других групп, думают о суициде (суицидальные мысли встречаются регулярно у 62 %, иногда у 38 % опрошенных, суицидальные попытки были у 45 % из этой группы). Люди не готовы извлекать опыт, не чувствуют ни своей ценности, ни ценности близких, не ценят ни свое, ни чужое время. Мысли о смерти в этой группе совсем другого содержания: *«всем будет лучше после моей смерти»*, или наоборот: *«все будут жалеть, что меня потеряли»*; *«когда я возрожусь, жизнь будет лучше, чем сейчас»*.

Мы выявили отрицательную связь между страхом смерти и такими критериями психологического благополучия, как компетентность, самопринятие и автономность. То есть те, кто обладает большей независимостью, способны делать выбор и брать за него ответственность, принимают себя как есть, обладают меньшим страхом смерти. Они ее принимают как неизбежный и естественный процесс. А также имеется положительная зависимость между страхом смерти и низким уровнем социальной ответственности и инициативности.

Опросник И.Ю. Кулагиной позволил выявить прямую взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и более оптимистичным отношением к смерти: человек, проживающий свою жизнь согласно собственным убеждениям и чувствам, более позитивно оценивает смерть (как естественную часть жизни), если же чаще он старается казаться тем, кем не является (на эмоциональном, когнитивном или поведенческом уровне), то выше оценки негативного, пессимистичного восприятия смерти.

Значимое воздействие на оценку смерти оказывает сеть Интернет и СМИ, так как общие представления формируются не в семье или образовательных учреждениях, а именно через массовые источники информации. Формируется прямая зависимость между тем контентом, который смотрят представители разного возраста, и теми оценками восприятия смерти, которые у них формируются. Понимание реальных процессов смерти имеется только у 20 % опрошенных (кто относительно объективно и реально описывает смерть как процесс и явление); 62 % воспринимают смерть как что-то эфемерное (так как их представления сформированы ложными образами медийной сферы), и 18 % не имеют четких представлений о смерти, так как стараются игнорировать, не осмысливать данную тему в своей повседневной жизни.

Иными словами, смерть воспринимается объективно менее чем четвертью россиян. Для остальных это далекая, часто придуманная стадия жизни, которая случится не скоро. Или же она может стать способом изменения жизни, и тогда ее можно приблизить (но и это не дает полного понимания, осознания и принятия смерти).

Если ранее мы говорили о табуированности смерти, то сегодня вынуждены говорить о ее обесценивании и увеличении доли игнорирования в восприятии и оценках, что искажает смысл и трансформирует роли ныне живых и уже ушедших людей.

Выводы

Чем больше человек чувствует себя на своем месте, живет так, как хочет, то есть его реальность и его представления о том, как должно быть, не расходятся между собой, тем более оптимистично он смотрит на то, как умрет, и что будет с ним, и с его окружением после окончания жизни. Если

на уровне экзистенциальных смыслов он принимает себя и свою жизнь, то он принимает и свою смерть, она его не пугает и воспринимается как определённый этап жизни. Для таких людей смерть не является бегством от жизни, а наоборот, утверждает ценности жизни. Психологическое благополучие усиливает положительные оценки смерти, не несет страха, а, скорее, приводит к осознанию, что надо успеть все сделать до момента своего ухода.

Если человек пытается придумать собственную жизнь, живет не своими ценностями и идеалами, не находится в состоянии психологического благополучия, то и смерть воспринимается им как негативное состояние и негативный процесс. Для такого человека актуально проявление страха смерти из-за неизвестности, неприятия и нежелания признавать собственные ошибки.

Отметим, что неопределенное отношение к смерти присутствует у тех, кто строит свои представления о смерти только на фильмах, книгах, музыке, где реальные процессы и явления, связанные со смертью, заведомо искажаются и извращаются для более успешного продвижения в массах. Мы можем наблюдать придумывание мира смерти в современном обществе. Этот образ строится на обрывках, идеях и образах, имеющих под собой социокультурные и исторические основания, духовные практики, но взятых в условиях проевропейских ценностей, преподнесенных или в извращенном, или в необъективном формате, формирующем ложные представления. Тем самым целые поколения формируют свои представления на ложных убеждениях, теряя свои смыслы и осознания, так как доверяют пустым симулякрам.

Таким образом, смерть в ценностной палитре современников имеет достаточно неоднородные и неоднозначные оценки.

Смерть в ценностной палитре современников:
социально-психологический анализ

Она меняет понимание жизни, контекст и условия реализации человека и духовный выбор, определяющий настоящее и будущее целых поколений. Смерть становится показателем того, как жил человек, во что верил и какие смыслы нес в мир, как смог изменить его. Экзистенциальный выбор делается при жизни, а смерть всего лишь фиксирует определенную точку в раскрытии смыслов бытия.

Литература

1. Lüdecke C., Baumann N. When death is not a problem: Regulating implicit negative affect under mortality salience // *Scandinavian journal of psychology*. 2015. No. 6 (56). P. 678–684. DOI: 10.1111/sjop.12243. EDN VFIFIH.
2. Ардашев Р.Г. Феномен смерти в оценках провинциальной молодежи (анализ представлений о самоубийстве и скулуштингу) // *Социология*. 2025. № 3. С. 13–18. EDN НООЮХ.
3. Аръес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. В.К. Ронина. Москва : Прогресс-Академия, 1992. 526 с. ISBN 5-01-003636-3. EDN LGDJEC.
4. Wong P.T. Meaning management theory and death acceptance // Wong P.T., Tomer A., Eliason G.T. *Existential and spiritual issues in death attitudes*. N.Y. : Psychology Press, 2007. P. 65–87. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203809679>
5. Франкл В. Человек в поисках смысла : Сборник : Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. Москва : Прогресс, 1990. 368 с. ISBN 5-01-001606-0. EDN YQСММА.
6. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. Москва : Класс, 2019. 574 с. ISBN 978-5-86375-195-5.
7. Юревич А.В. Психологические аспекты отношения к смерти // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 1. С. 123–132. EDN YQRMMY.
8. Diggory J., Rothman D. Values destroyed by death // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. No. 63 (1). P. 205–210. DOI: 10.1037/h0040194
9. Баскаков В.Ю., Газарова Е.Г. Самая запрещенная тема // *Танатотерапия в публикациях*. Москва : Институт танатотерапии при участии Института общегуманитарных исследований, 2006. С. 17–18. ISBN 5-88230-193-9.
10. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2015. Т. 11. № 1. С. 8–19. EDN TVSHAJ.
11. Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 111–119. EDN UYLXAB.
12. Мохов С. Популярная морталика: death positive, гуманизация и критика современности // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 5 (159). С. 111–121. EDN PXS NZL.
13. Дмитриева П.Р. Смысложизненные ориентации у людей с разным уровнем страха смерти // *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17. № 3. С. 5–17. DOI: 10.21702/rpj.2020.3.1. EDN UFJWAF.
14. Лаврикова И.Н. Молодежь: отношение к смерти // *Социологические исследования*. 2001. № 4. С. 134–136. EDN PBDHАО.
15. Рогозин Д. Как возможен осмысленный разговор о смерти // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2014. № 1 (103). С. 18–31. EDN RVQDGL.
16. Diggory J., Rothman D. Values destroyed by death // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1961. No. 63 (1). P. 205–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040194>

17. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 47–83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002. EDN FHCKAO.
18. Lin C.-Y. Social reaction toward the 2019 novel coronavirus (COVID-19) // *Asian Journal of Social Health and Behavior*. 2020. Vol. 3. No. 1. P. 1–2. DOI: 10.4103/shb.shb_11_20. EDN OKUYNZ.
19. Menzies R.E., Menzies R.G. Death anxiety in the time of COVID-19: Theoretical explanations and clinical implications // *The Cognitive Behaviour Therapist*. 2020. Vol. 13. P. 19. DOI: 10.1017/s1754470x20000215. EDN HVYMAQ.
20. Yaakobi E. Desire to work as a death anxiety buffer mechanism // *Experimental psychology*, 2015. No. 62. P. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169/a000278>
21. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // *Экзистенциальный анализ*. 2009. № 1. С. 9–29. URL: <https://aeapp.ru/PDF/Laengle-FM.pdf?ysclid=mm8anjejr553760481> (дата обращения: 16.12.2025).

References

- Lüdecke C., Baumann N. (2015) When death is not a problem: Regulating implicit negative affect under mortality salience. *Scandinavian Journal of Psychology*. No. 6 (56). Pp. 678–684. DOI: 10.1111/sjop.12243
- Ardashev R.G. (2025) The Phenomenon of Death in the Assessments of Provincial Youth (Analysis of Ideas about Suicide and School Shooting). *Sociology*. No. 3. Pp. 13–18. (In Russian).
- Aries P. (1977) *L'homme devant la mort*. Éditions du Seuil. 641 p. ISBN 2020047314. (Russian edition: transl. from French by V.K. Ronin. Moscow : Progress-Akademia. 1992. 528 p.).
- Wong P.T. (2007) Meaning management theory and death acceptance. In: Wong P.T., Tomer A., Eliason G.T. *Existential and spiritual issues in death attitudes*. N.Y. : Psychology Press, 2007. Pp. 65–87. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203809679>
- Frankl V. (1990) *Man's Search for Meaning : Collection of Works*. Ed. by L.Ya. Gozman, D.A. Leontiev. Moscow : Progress Publ. 368 p. ISBN 5-01-001606-0. (In Russian).
- Yalom I. (1980) *Existential psychotherapy*. Basic Books. 416 p. ISBN 978-0-465-02147-5. (Russian edition: transl. by T.S. Drabkina. Moscow : Klass, 2019. 576 p.).
- Yurevich A.V. (2018) Psychological aspects of attitudes toward death. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 1. Pp. 123–132. (In Russian).
- Diggory J., Rothman D. (1961) Values destroyed by death. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. No. 63 (1). Pp. 205–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040194>
- Baskakov V.Yu., Gazarova E.G. (2006) The Most Forbidden Topic. In: Baskakov V.Yu., Gazarova E.G. (Eds) *Tanatoterapiya v publikatsiyakh* [Thanatotherapy in Publications]. Institute of Thanatotherapy with the participation of the Institute for General Humanitarian Research. Pp. 17–18. ISBN 5-88230-193-9. (In Russian).
- Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N. (2015) Death attitudes after a suicide attempt: Stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients. *The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*. Vol. 11. No. 1. Pp. 8–19. (In Russian).
- Elyutina M.E. (2015) Elderly People: Attitudes Toward Death and Thanatic Anxieties. *Sociological Studies*. No. 10. Pp. 111–119. (In Russian).
- Mokhov S. (2019) Popular Mortalica: Death Positive, Humanization, and Critique of Modernity. *New Literary Observer*. No. 5 (159). Pp. 111–121. (In Russian).

13. Dmitrieva P.R. (2020) Life-Meaning Orientations in People with Different Levels of Fear of Death. *Russian Psychological Journal*. Vol. 17. No. 3. Pp. 5–17. (In Russian).
14. Lavrikova I. N. (2001) Young People: Attitudes Toward Death. *Sociological Studies*. No. 4. Pp. 134–136. (In Russian).
15. Rogozin D. (2014) How a Meaningful Conversation About Death Is Possible. *Telescope: Journal of sociological and marketing research*. No. 1 (103). Pp. 18–31. (In Russian).
16. Diggory J., Rothman D. (1961) Values destroyed by death. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. No. 63 (1). Pp. 205–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0040194>
17. Nestik T.A. (2020) The Impact of the COVID-19 Pandemic on Society: A Social Psychological Analysis. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. Vol. 5. No. 2 (18). Pp. 47–83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002 (In Russian).
18. Lin C.-Y. (2020) Social reaction toward the 2019 novel coronavirus (COVID-19). *Asian Journal of Social Health and Behavior*. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–2. DOI: 10.4103/shb.shb_11_20
19. Menzies R.E., Menzies R.G. (2020) Death anxiety in the time of COVID-19: Theoretical explanations and clinical implications. *The Cognitive Behaviour Therapist*. Vol. 13. P. 19. DOI: 10.1017/s1754470x20000215
20. Yaakobi E. (2015) Desire to work as a death anxiety buffer mechanism. *Experimental psychology*. No. 62. Pp. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169/a000278>
21. Längle A. (2009) Fundamental Motivations of Human Existence as an Effective Structure of Existential-Analytic Therapy. *Ekzistentsial'nyi analiz [Existential analysis]*. No. 1. Pp. 9–29. URL: <https://aeapp.ru/PDF/Laengle-FM.pdf?ysclid=mm8anjejrb553760481> (accessed 16.12.2025). (In Russian).

Поступила в редакцию: 13.01.2026

Received: 13.01.2026

Поступила после рецензирования: 02.02.2026

Revised: 02.02.2026

Принята к публикации: 13.02.2026

Accepted: 13.02.2026